

УДК 803.0-561.71: 801.542.2:800.3

СЛОЖНЫЙ РЕЧЕВОЙ АКТ В ПАРАТАКТИЧЕСКОЙ УПАКОВКЕ А.Н. Приходько (Днепропетровск, Украина)

А.Н. Приходько. Сложный речевой акт в паратактической упаковке. В статье развивается идея сложного речевого акта в его корреляции со сложным предложением. Доказывается, что такой речевой акт может конституироваться как путем простого сочленения двух и более элементарных предложений, так и быть упакованным в форму сложного. Объектом работы как раз является сложный речевой акт, состоящий из двух иллокуций, "помещенных" в одну синтаксическую единицу – паратаксис. Различая их комплексный и композитный типы, автор подробно описывает номенклатуру основных нисходящих разновидностей каждого из них, их прагмасемантическую специфику, выделяет их интегральные и дифференциальные свойства.

Ключевые слова: вербальная упаковка, иллокуция, комплексный речевой акт, композитный речевой акт, паратаксис, перлокутивный эффект.

Приходько А.М. Складний мовленнєвий акт в паратактичній упаковці. У статті розвивається ідея складного мовленнєвого акту в його кореляції зі складним реченням. Доводиться, що такий мовленнєвий акт може конституюватися як шляхом простого поєднання двох і більше елементарних речень, так і бути упакованим у форму складного. Об'єктом роботи якраз і є складний мовленнєвий акт, що утворюється двома іллокуціями, "поміщеними" в одну синтаксичну одиницю – паратаксис. Розрізняючи серед складних мовленнєвих актів комплексний і композитний типи, автор детально описує номенклатуру основних різновидів кожного з них, їхню прагмасемантичну специфіку, виокремлює їхні інтегральні та диференційні властивості.

Ключові слова: вербальна упаковка, іллокуція, комплексний мовленнєвий акт, композитний мовленнєвий акт, паратаксис, перлокутивний ефект.

Prykhodko A.M. The composite speech act in paratactik package. The article is devoted to developing the idea of a composite speech act in its correlation with a composite sentence. It is proved that such speech act can be formed by combining 2 or more simple sentences as well as be packed in the form of a composite one. The object of the work is exactly a composite speech act which is formed with the help of 2 illocutions "placed" into a syntactic unit – parataxis. Discriminating among complicated speech acts complex and compound types, the author describes the nomenclature of the main varieties of each of them, their pragmasemantic peculiarity, distinguishes their integral and differential features.

Key words: complex speech act, compound speech act, illocution, parataxis, perlocutionary effect, verbal package.

1. Введение. Изучение сложного предложения под углом зрения прагматики предполагает не только выделение его основных коммуникативных типов, но и анализ взаимосвязи между формально-грамматическим, семантико-синтаксическим и коммуникативно-прагматическим уровнями его репрезентации, выявление средств, которые обуславливают и модифицируют

его функционирование в речи [Meibauer 2001; Mey 1993]. По своей структуре речевые акты (РА) могут быть простыми (элементарными), сложными, сверхсложными, образовывать дискурсивные блоки и даже быть "небуквальными" [Сусов 2009: 159].

Объектом нашего внимания являются сложные речевые акты – речевые единицы, синтаксическая аранжировка которых не изоморфна выражаемому прагматическим значениям. Нельзя утверждать, что подобные речевые образования прошли мимо внимания лингвистов. В свое время ученые писали об объединении дискретных интенций в одной сложноструктурированной единице [Rosengren 1989: 180], о "речевых блоках" [Веденькова 1989], о "речевых макроактах" [Сергиевская 1995: 8] и т.д. Несколько позднее о сложных речевых единицах стала говорить И.М. Кобозева, определяя их как единицы, которые, будучи оформленными одной синтаксической структурой, объединяют в себе путем прагматической контаминации два и более простых РА и выступают как "двуактовые", "двуиллокутивные" высказывания [Кобозева 2000: 95].

Часто такого рода контаминация встречается в сфере тех сложносочиненных предложений (ССП), организация которых характеризуется несоответствием между структурой и функцией [Culicover 2000: 2] – парадоксальной подчиненностью на семантико-синтаксическом уровне законам координации, а на коммуникативно-прагматическом – законам субординации. Прагмасемантическое устройство такого СПП зиждется на разных иллокуциях, каждая из которых имеет свое конкретное назначение – сообщение (КОНСТ), обещание (КОМИС), побуждение (ДИР), вопрос (КВЕС). В частности, в ССП (1) прагматическое значение создается путем комбинации ДИР и КОМИС, в (2) – КОНСТ и КВЕС, а в (3) – двух КОНСТ: (1) *Nimm die Finger aus der Marmelade / Вынь пальцы из варенья* {ДИР}, *oder es setzt was! / а то получишь у меня!* {КОМИС}; (2) *Ich habe dir eine Stulle gemacht / Я сделал тебе бутерброд* {КОНСТ}. *Oder hast du keinen Hunger? / Или ты не голоден?* {КВЕС}; (3) *Die Heizungsröhren sind geplatzt / Полопались трубы* {КОНСТ}, *denn es hat Frost gegeben / был мороз* {КОНСТ}.

Как показывает материал, между позицией простого РА в структуре паратаксиста и его иерархическим статусом нет прямых корреляций: позиционно первый РА может быть как главным, так и подчиненным. И соответственно наоборот. При этом главной ($\rightarrow$) считается та иллокуция, на которую ожидается перлокутивная (вербальная и/или невербальная) реакция адресата, а подчиненной ($\leftarrow$) – та, где такая реакция наименее ожидаема. Естественно, что оба РА могут находиться в отношениях взаимной поддержки, быть равноправными ($\leftrightarrow$). Обозначив позиционно первый речевой акт как РА₁, а позиционно второй – как РА₂, можно вывести алгоритм превращения простых РА в сложные, опирающийся на три следующих модели:

- 1) РА₁ $\rightarrow$ РА₂ : РА₁ – главный, РА₂ – подчиненный (1)
- 2) РА₁ $\leftarrow$ РА₂ : РА₁ – подчиненный, РА₂ – главный (2)

3) $PA_1 \leftrightarrow PA_2$: PA_1 и PA_2 – равноправные (3).

Сложные РА, упакованные в форму паратаксиста, имеют определенный комбинаторный потенциал. Если за исходную точку взять уже упомянутые иллокуции (они же базовые для прагмалингвистики) и соотнести каждую из них с той позицией, которую они занимают в структуре ССП, можно получить матрицу комбинаторных возможностей сложных РА с набором из 16 вариантов (табл. 1). Из этого потенциала паратактическим способом могут реализоваться только восемь бинарных комбинаций, т.е. ровно 50% теоретически возможных случаев. При этом исключительную активность проявляет ДИР, который в качестве PA_1 способен сочетаться со всеми иллокуциями в рамках всех трех обозначенных выше моделей. Валентно активным является и КВЕС, отдающий предпочтение позиции PA_2 , но при этом отличающийся высокой подчиняющей способностью по отношению к остальным иллокуциям. Средней активностью характеризуется в данной системе КОНСТ и совсем низкой КОМИС, имеющий пассивную прагматическую валентность лишь к ДИР. И наконец, о равноправном статусе двух простых РА, соединяемых в один сложный: им отличаются только одноименные иллокуции. Понятно, что в сложные акторечевые отношения потенциально могут вступить только четыре из них.

Таблица 1

$PA_1 \backslash PA_2$	КОНСТ	ДИР	КВЕС	КОМИС
КОНСТ	↔		←	
ДИР	→	↔	←	→
КВЕС			↔	
КОМИС			←	

2. Типы и виды сложных речевых актов. Среди сложных РА принято различать комплексные (КпРА) и композитные (КзРА) [Карабан 1989: 13]. Части КпРА находятся в субординативной прагмасемантической связи, соотносясь между собой как подчиняющий (главный) и подчиняемый (подчиненный), а КзРА – в координативной прагмасемантической связи с равноправным статусом иллокуций. Сравнение обоих типов сложных РА показывает, что они обнаруживают как интегральные, так и дифференциальные свойства.

К интегральным относятся: 1) поддержка программы эффективной реализации перлокутивной цели за счет синтеза двух разных речевых шагов; 2) неперформативность (говорящий специально не оглашает свою интенцию),

но открытость речевого действия (говорящий не скрывает свою интенцию); 3) привязанность к речевому контексту (сложный РА является элементом речевого взаимодействия) или непривязанность (РА является реакцией на невербальные действия); 4) возможность оформления синтаксических связей между этими частями союзным, бессоюзным и парцелированным способами.

Дистинктивные признаки КпРА и КзРА наведены в табл. 2.

Таблица 2

Комплексные речевые акты (КпРА)	Композитные речевые акты (КзРА)
<ul style="list-style-type: none"> ● прямая или обратная обусловленность главной иллокуции (пре- или постпозиция главного РА по отношению к подчиненному) 	<ul style="list-style-type: none"> ● индифферентность РА₁ и РА₂ к своей синтаксической позиции
<ul style="list-style-type: none"> ● несоответствие между структурой и функциями (подчиненность на семантико-синтаксическом уровне законам координации, а на прагматическом – законам субординации) 	<ul style="list-style-type: none"> ● соответствие между структурой и функциями (подчиненность на семантико-синтаксическом и прагматическом уровнях законам координации)
<ul style="list-style-type: none"> ● необратимость отношений между двумя иллокуциями (запрет на перестановку частей сложного предложения-носителя) 	<ul style="list-style-type: none"> ● обратимость отношений между двумя иллокуциями (нет запрета на перестановку частей предложения-носителя)

Нетрудно заметить (табл. 1), что коммуникативная парадигма паратактически упакованных сложных РА изначально асимметрична. В ней заложена $\frac{2}{3}$ -доминанта иерархических отношений, т.е. КпРА (12 потенциальных моделей, реализуются 5) и всего лишь $\frac{1}{3}$ моделей с равноправными отношениями иллокуций – КзРА (4 и 3, соответственно). При этом в алгоритме конституирования КпРА с его семьёю лакунами четыре принадлежат констативу, две – квеситиву и одна комиссиву. Такая диспозиция имеет отношение к проблеме прагматической сочетаемости иллокуций. Так, несложно представить ситуацию, в которой "сосуществовали" бы КВЕС и КОНСТ (*Ты полил цветы? Они могут засохнуть*), КОНСТ и ДИР (*Цветы сохнут. Полей их!*), КОНСТ и КОМИС (*Цветы сохнут. Я полью*), но, во-первых, такие РА не являются сложными, а суть цепочка простых, и, во-вторых, они оформляются не паратаксистом, а двумя простыми предложениями.

2.1. **Комплексные речевые акты** образуют интегрированный блок иерархически организованных неоднородных коммуникативно-прагматических типов высказывания, сочлененных общей речевой интенцией. Находясь в субординативной прагмасемантической связи, части КпРА соотносятся между собой как главный и подчиненный РА. Коррелируя на синтаксическом уровне с двумя структурными частями ССП, а на семантическом – с двумя пропозициями, КпРА указывает на дискретное использование составляющих, где каждая иллокуция придерживается строго очерченных рамок своего

инвариантного речевого смысла. Таким образом, КпРА выступают как разноиллокутивные высказывания, главная прагмаустановка которых состоит в прескриптивно-суггестивной интенции говорящего, общую тональность которой можно назвать **регулятивной** [Приходько 2002: 86].

Иллокутивный репертуар регулятивов задается доминированием в составе КпРА акторечевых функций побудительного типа – директивной и квеситивной. Он состоит из пяти базовых моделей – директивно-констативной, директивно-комиссивной, квеситивно-констативной, квеситивно-директивной, квеситивно-комиссивной (табл. 1). Вследствие контаминации разных иллокутивных сил КпРА-регулятив – в сравнении с простым директивом – выражает более нюансированные, диффузные прагматические значения.

2.1.1. **Директивно-констативные регулятивы** (РА₁ ДИР → РА₂ КОНСТ) могут выступать в дискурсе в виде аргументированного совета, основной прагмаустановкой которого является предотвращение чего-то нежелательного или даже опасного, поджидающего адресата в случае невыполнения превентивного побуждения: (4) *Mach das Fenster zu / Закрой окно, sonst holst du dir eine Erkältung / а то простынешь; Machen Sie doch in diesem Semester Ihre Zwischenprüfung / Сдайте в этом семестре экзамен, oder Sie verlieren ein Semester а то потеряете семестр!* /D. Schwanitz/; ср. рус. (5) *Не задерживай попу, а то он нам, чего доброго, девочку на пол опрокинет* /М. Зощенко/ и укр. (6) *Платоне, розваж Лїду, а то вона тут засумувала* /А. Корнійчук/.

2.1.2. **Директивно-комиссивные регулятивы** (РА₁ ДИР → РА₂ КОМИС) специализируются на выражении мотивированных призывов и аргументированных приказов. Первые используются там, где появляется потребность в приобщении адресата к определенным невербальным действиям в профитивном режиме побуждения: (7) *Vertrauen Sie auf Technik Loewe Aconda / Доверьтесь технике фирмы Loewe Aconda, und Sie entdecken ungeahnte Möglichkeiten / и вам откроются невиданные возможности!* /Реклама/; (8) *Перестаньте давать взятки, плевать в подъездах и разгуливать с пивом в руках, и вы будете в Евросоюзе!* /Из листовки/. Намекая на выигрыш, такие КпРА отличаются высокой эмотивностью и закрытостью для последующих речевых действий. Аргументированные приказы возникают на основе контракции двух перформативных схем: “Требую, чтобы...” и “Обещаю, что...”, на пересечении которых образуется главный тип таких приказов – ультимативный. Среди них можно различать ультимативные угрозы ((9) *Tun Sie Ihre Pflicht / Выполняйте сой долг, oder Sie werden entlassen / или вас уволят* /Н. Moers/) и ультимативные предупреждения ((10) *Noch ein Wort von dir / Еще слово, und du bist tot и ты мертвец!* /D. Noll/), рус. (11) *Стой – стрелять буду!*; укр. (12) *Замовкни, вріжш!*; англ. (13) *Eat your dinner or I'll spank you*. В ультимативных КпРА имеет место игнорирование кодекса кооперации и максим вежливости, поэтому их иногда считают элементом деспотического дискурса, в котором во главу угла ставится троллинг – общение с нарушением

этики взаимодействия путем нагнетания конфликтов, выражающееся в форме агрессивного поведения.

Паратактически оформленные КпРА могут использоваться не только в деспотических, но и в демократических дискурсах. Последние характеризуются диалогичностью и интерактивностью, уважением к социальным и культурным запросам тех, к кому обращено слово [Meggle 1997: 217]. Именно в таких дискурсах функционируют два последующих типа КпРА.

2.1.3. **Квеситивно-констативные регулятивы** (РА₁ КОНСТ ← РА₂ КВЕС) используются в тех эротетических ситуациях, где возникает потребность в перепроверке, переоценке, эвалюации истины, которая требует отсылки к общей базе знаний коммуникантов: (14) *Da ist ein Campingplatz / А здесь кемпинг. Oder suchen Sie ein Hotelzimmer / Или Вы ищете отель?* /J. Berndorf/. Интродуктивная тактика получения “обновленного” знания реализуется на базе неотъемлемой когнитивно-логической составляющей КпМА – условно-следственной импликации. На ее фоне констатив вводит тему и маркирует границу между достоверным и недостоверным знанием, а квеситив непосредственно осуществляет запрос на получение актуальной информации.

2.1.4. **Квеситивно-директивные регулятивы** (РА₁ ДИР ← РА₂ КВЕС) фигурируют там, где возникает потребность в интенциональной переориентации говорящего непосредственно в момент осуществления им речевого действия, что возможно при условии высокой кооперативной готовности говорящего. Эти обстоятельства не предусматривают влияния на эпистемический мир (мир знаний) адресата и не требуют оценки и, соответственно, указания на целесообразность исполнения. Они могут варьироваться как отложенный приказ ((15) *Steck nun die Sachen in den Rucksack / Засунь вещи в рюкзак, oder wie hast du dir das gedacht / или как ты себе это мыслил?* /I. Noll/), отложенное предложение ((16) *Laß uns tanzen / Давай потанцуем. Oder willst du erst mal essen / Или ты хочешь сначала перекусить?* /E.M. Remarque/), прикрытое предложение ((17) *Bitte, schicken Sie mir Ihre Rechnung / Присылайте счет – oder darf ich in Naturalien bezahlen или можно оплатить натурой?* /H. Martin/). Такие модификации имеют прагмапсихологическую основу – запоздалое внимание говорящего к интересам адресата, что фактически приводит к отмене первичной интенции.

2.1.5. **Квеситивно-комиссивные регулятивы** (РА₁ КОМИС ← РА₂ КВЕС) также характеризуются запоздалым вниманием говорящего к интересам адресата. Их интенциональная база состоит во взвешивании обещания, что, в свою очередь, требует знаний о мере заинтересованности собеседника в получении вознаграждения: (18) *Die Eintrittskarten beschaffe ich selbst / билеты я приобрету сам. Oder hast du keine Lust mehr / Или ты уже расхотела?* /B. Kellermann/; (19) *Ich schenke dir ein Handy / Я подарю тебе мобилку. Oder haste schon wieder was eingebrockt / Или ты что-то опять*

натворил? /S. Schumacher/. Такие обещания обставляются рядом условий, при которых они могут быть выполнены, не выполнены или заменены каким-то другим обещанием.

Средоточие в одном речевом действии разных иллокутивных сил свидетельствует об усилении интегративных усилий разных речевых актов. Иллокутивный потенциал регулятивного КпМА дает говорящему возможность выбрать наиболее оптимальные стратегии и тактики принуждения объекта влияния к свершению поступков, начертанных субъектом влияния.

2.2. Композитные речевые акты образуют интегрированный блок однородных коммуникативно-прагматических типов высказывания с единой речевой интенцией. Будучи оформленными одной синтаксической структурой, КзРА становятся собою двуактовые бинарные номинации с равноправно используемыми иллокуциями. С помощью паратаксиса могут быть реализованы три из четырех теоретически возможных комбинации элементарных РА (табл. 1). Эти иллокутивные схемы воплощаются, соответственно, в трех типах КзМА, выступающих как двойные констативы, двойные квеситивы и двойные директивы. Их главное дискурсивное предназначение – служить средством эпистемического (имеющего отношение к знанию) или даже персуазивного влияния субъектов речи на объекты речи.

2.2.1. Композитные констативы (РА₁ КОНСТ ↔ РА₂ КОНСТ) опираются в своем функционировании на такой набор когнитивных схем, которые соотносятся с параметром "качество знания" (выводное, достоверное, недостоверное, незнание) и оказывают влияние на выбор того или иного ССП (сочинительные, противительные, разделительные и пр.). Ср.: (20a) *Ich habe ein paar Brötchen gekauft / Я купил булочек, aber nicht gegessen, но не ел;* (20b) *Ich habe ein paar Brötchen gekauft / Я купил булочек, denn ich habe Hunger ибо голоден;* (20c) *Entweder kaufe ich ein paar Brötchen / Или я куплю булочек, oder ich verhungere / или умру с голода.*

2.2.2. Композитные квеситивы (РА₁ КВЕС ↔ РА₂ КВЕС) используются на фоне эпистемической энтропии (недоформированности) говорящего, которая может варьироваться в виде разных когнитивных схем, но в рамках единой речевой стратегии – интродукции вопроса. Она (стратегия) осуществляется путем отсылки к общей эпистемической презумпции участников интеракции: (21a) *Hast du die Blumen begossen / Ты полил цветы oder hast du wieder vergessen / или опять забыл?;* (20d) *Hast du Brötchen gekauft / Ты купил булочек? Oder hast du keinen Hunger / Или ты не голоден?* Прагматика использования композитных квеситивов состоит в верификации истины, что реализуется разными тактико-методическими приемами (одна, две, никакой версии). При наличии одной версии позиционно первый РА-квеситив изофункционален констативу, так как выражает не собственно вопрос, а акцентирует его пропозициональное содержание, а сам вопрос содержится в позиционно втором РА, который и направлен на получение нового знания. Выдвижение двух и больше версий предусматривает истинность одной из них и ложность других. Такие КзМА

встречаются преимущественно там, где идентификация истины на фоне нескольких версий сопровождается потребностью в моральной поддержке или в разумном совете: (23) *Nähern wir uns wohl der Erkenntnis / Мы приближаемся к истине? Oder gehen wir vielleicht im Kreise / Или, может, мы ходим по кругу?* /Н. Hesse/. Отсутствие какой-либо версии имеет место тогда, когда речь идет о тех невербальных намерениях собеседника, которые сложно прогнозировать: (24) *Aber was willst du denn tun / Ну что же ты хочешь? Oder willst du gar nichts tun / Или ты вообще ничего не хочешь?* /А. Ayren/.

2.2.3. **Композитные директивы** (РА₁ ДИР ↔ РА₂ ДИР) коррелируют с личными или институциональными интересами говорящего, а также с социоролевым статусом коммуникантов. Их функционирование в речи связано с необходимостью заполнения периферийных лакун в системе трансфера знания. Именно поэтому в таких КЗРА репрезентация знания как бы отодвигается на задний план, а на передний выходит побудительный импульс ((25) *Schlafen Sie / Почните und ruhen Sie sich erst mal richtig aus / И хорошенько отдохните!* /Е. Neutsch/), вследствие чего композитные директивы имеют довольно размытую иллокутивную базу, очерченную диффузией приказа, совета, просьбы, требования и пр.: (20e) *Kauf dir ein paar Brötchen / Купи булочек und hör auf zu flennen / и перестань клянчить!*; (21b) *Begieß die Blumen / Полей цветы und mache dir ein paar Brötchen / и сделай себе бутерброды!* Более-менее однозначно можно говорить о двух их иллокутивных разновидностях: указании, которое осуществляет отсылку к существующим конвенциям ((25) *Beehren Sie uns bald wieder / Сделайте нам еще честь, und bringen Sie Ihre Arbeitskollegen mit u приводите с собой коллег!* /S. Zweig/), особенно в случаях их нарушения ((26) *Mann, reden Sie endlich vernünftig / Говорите разумно, oder halten Sie Ihre Klappe или заткнитесь* /К.-Р. Wolf/) и инструкции ((27) *Halten Sie die MOD-Taste gedrückt / удерживайте клавишу MOD und betätigen Sie die Suchwort-Taste и нажимайте клавишу поиска*).

Использование паратаксиса для упаковки КЗРА обусловлено факторами эпистемически-интерпретативного порядка – восприятием и отображением жизненного мира человека. Их перлокутивный потенциал определяется “трансферной” интенцией говорящего – передачей или получением информации. Этой цели подчинена тактико-стратегическая программа, и тактико-операционные средства ее выполнения. Речевая программа реализуется в рамках инициальной или респонсивной функций, а пути ее воплощения – в интра- или экстравертивном режимах общения.

3. **Заключение.** Использование сложных речевых актов в дискурсе связано с феноменом речевого синергизма, прагмапсихологическая сущность которого состоит в том, что перлокутивный эффект сложного РА превышает суммарный перлокутивный эффект, который осуществляет каждый отдельно взятый его компонент – простой РА. По своей функции в составе сложного РА его составляющие делятся на иллокутивно сильные и иллокутивно слабые. К первым относятся квеситивы, которые в интерактивном процессе всегда

выступают главным РА, а также директивы, которые в таком качестве выступают преимущественным образом. К иллюкутивно слабым относятся констативы и комиссивы. Такая в некотором роде условная ранжировка речевых актов отражает тот факт, что в коммуникативном процессе большую силу влияния на собеседника имеют РА с интенцией побуждения и меньшую – РА с интенцией передачи знания.

Сложные иллюкутивные схемы – комплексные и композитные – являются отражением обогащающего влияния таксисной семантики на дискурсивно-функциональные характеристики речевого акта. Паратаксис в функции комплексного речевого акта – это яркий пример единиц, в которых иерархия грамматических отношений не всегда изоморфна иерархии прагматических отношений, а синкретизм речевого смысла детерминируется прагмасемантической дискретностью их компонентов – простых речевых актов, на пересечении которых они образуются.

Прагмасемантическая специфика паратаксиса напрямую соотнесена с особенностями его функционирования в речи, где он выступает средством аранжировки сложных речевых актов – композитных и комплексных. При этом координативный характер грамматических отношений в паратактически оформленных композитных РА является изоморфным координативному характеру отношений между их иллюкуциями. Иерархия грамматических и семантических отношений в комплексных РА неизоморфна иерархии прагматических отношений, а синкретизм речевого смысла детерминируется прагмасемантической дискретностью их компонентов – простых речевых актов, из которых они состоят. Если главная прагмаустановка комплексных РА состоит в совершении регулятивно-суггестивного "давления" субъектов речи на объекты речи, то главная прагмаустановка композитных РА – в эпистемически-персуазивном влиянии говорящего на адресата. Отсюда и разность целей: КпРА в дискурсе преследует превентивную, прохибитивную, профитивную, аннулятивную цели, а КзМА – передача знания.

Изучение обозначенной проблемы представляется перспективным, по меньшей мере, в двух направлениях. Во-первых, определенный интерес представляет собой структурная типология речевых актов, в которой малоизученными являются и другие сложные их типы, в т.ч. и сверхсложные, и дискурсивные. Во-вторых, малоизученной является проблема корреляции гипотаксиса и сложного речевого акта, в т.ч. и различных его разновидностей – периода, супертаксиса, архитаксиса и пр.

ЛИТЕРАТУРА

1. Веденькова М.С. Опыт прагматического анализа директивно-констативных высказываний / М.С. Веденькова // Прагматика и типология коммуникативных единиц языка. – Днепропетровск: ДГУ, 1989. – С. 25–29.

2. Карабан В.И. Сложные речевые единицы. Прагматика английских асиндетических полипредикативных образований / В.И. Карабан. – К. : Вища школа, 1989. – 132 с.
3. Кобозева И.М. Сложное предложение как форма сложного речевого акта / И.М. Кобозева, Ким Гон Сук // Сложное предложение: традиционные вопросы теории и описания и новые аспекты его изучения. – М. : Рус. учебн. центр, 2000. – С. 95–105.
4. Приходько А.М. Складносурядне речення в сучасній німецькій мові / А.М. Приходько. – Запоріжжя : ЗДУ, 2002. – 292 с.
5. Сергиевская Л.А. Сложные предложения с императивной семантикой в современном русском языке : автореф. дис. докт. филол. наук : спец. 10.02.01 / Л.А. Сергиевская. – М., 1995. – 38 с.
6. Сусов И.П. Лингвистическая прагматика / И.П. Сусов. – Винница : Нова Книга, 2009. – 272 с.
7. Culicover P.W. Semantic subordination despite syntactic coordination / P.W. Culicover, R. Jackendoff // Linguistics, 2000. – Vol. 28, Is. 2. – P. 1–16.
8. Meggle G. Informatives and-or Direktives? (A New Start in Speech Act Classification) / G. Meggle, M. Ulkan // Pragmatik: Implikaturen und Sprechakte / Hrsg. E. Rolf. – Opladen : Westdeutscher Vrlg., 1997. – S. 214–225.
9. Meibauer J. Pragmatik: eine Einführung / J. Meibauer. – Tübingen : Stauffenburg, 2001. – 208 S.
10. Mey J.L. Pragmatics. An Introduction / J.L. Mey. – Oxford : Blackwell, 1993. – 421 p.
11. Rosengren I. Begründungen und Folgerungen als kommunikative Handlungen / I. Rosengren // Studia grammatica. – Bd. 25: Satz, Text, sprachliche Handlung. – Berlin : Akademie, 1987. – S. 179–197.

Приходько Анатолий Николаевич – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой германской филологии Днепропетровского национального университета имени Олеся Гончара; e-mail: aprykhod@rambler.ru